

Афзаладдин Хакани

Об авторе

Афзаладдин Хакани (1121–1199) – поэт из Азербайджана, писавший на персидском языке. Наряду с Анвари считается величайшим мастером касыды. В творчестве Хакани значительное место занимают философские мотивы, для понимания сложных образов его стихов необходимо основательное знакомство со средневековой схоластической наукой.

Стихи

Перевод В.Державина

Нет, полно! Не буду отныне себя унижать из-за хлеба!

Я пламенем дух напитаю! Довольно страдать из-за хлеба!

И лучше я кровь свою выпью, но к скатерти низких

не сяду.

Да, лучше погибнуть, чем в двери презренных
стучать из-за хлеба.

Я тигром свободным родился, но пусть назовусь я
собакой,

Когда к падишахскому трону приближусь опять из-за
хлеба.

И пусть я ослепну и солнца, и звезд, и луны не
увиджу,

Коль в поисках буду напрасных глаза напрягать из-за
хлеба.

Пусть будут глаза мои ртутью, я ртутью залью свои
уши,

Чтоб голосу низменных духом вовек не внимать из-
за хлеба!

Не надо мне белого хлеба властителей с черной
душою.

Я лучше умру, голодая, чем душу терзать из-за
хлеба!

Хоть хлеб их и снега белее, но все их слова ядовиты,
Их помыслы низки. Так мне ли их дружбы искать из-
за хлеба?

Пастух получает лепешку... Но я эликсиром владею.
Сокровища духа не буду я им продавать из-за хлеба.
Неужто, как мельницу, снова пред низкими рот
открывать мне
И шею, как воду в плотине открытой, пред ними
сгибать из-за хлеба?
Ну что ж, если хлеба не будет, — мы живы не хлебом
единым.
Ученый мыслитель не будет, как буйвол, мычать из-
за хлеба.
Пастись на пустынных равнинах я стану, подобно
джейранам,
Но я к обладателям хлеба не буду взывать из-за
хлеба.
Пусть лучше язык мой отсохнет, но хлеба еще не
попросит,
Ужель уншкенье обиды опять испытать из-за хлеба?
Был изгнан Адам из Эдема за зернышко райской
пшеницы¹.
Достоинство вынужден был я свое потерять из-за

¹ Был изгнан Адам из эдема за зернышко райской пшеницы. — По коранической версии, Адам был изгнан из рая за то, что отведал пшеницы, которая была для него запретна.

хлеба.

Был праотец изгнан из рая. Я заживо ввергнут в
геенну.

Без хлеба голодною смертью мне здесь умирать – из-
за хлеба.

О боже! Ты знаешь о муках моих и о муках Адама!
Ты сам прогневишь на пшеницу, чтоб нам не страдать
из-за хлеба.

И долго ль еще в этом мире рукою бесчестной и
низкой

Красу человечества будут терзать, убивать из-за
хлеба?

Открой мне, судьба-негодяйка, причину такого
гоненья?

Отколь на вратах моей жизни мучений печать из-за
хлеба?

Иль ангел довольствия в небе сам вычеркнул «хлеб»
в моей доле,

Чтоб тайную промысла волю сумел я понять из-за
хлеба?

Внемли, Хакани! Ведь в конюшне одной – Унижение
с Почетом.

Так стоит ли на Унижение тебе разъезжать из-за
хлеба?

О хлебе своем у аллаха проси, сотворенный аллахом!
Тебе ли свое первородство во прахе топтать из-за
хлеба!

* * *

И снова в сердце у меня проснулась старая печаль.
Несчастье новое пришло, грудь уязвило мне, как
сталь.

Я лихорадкою объят, горю в мучительном огне.
Но чашу яда, не бальзам, судьба моя подносит мне.
Взгляни, как ослабел огонь у догорающей свечи.
Так я сгораю, как свеча, от жгучих слез в моей ночи.
Как искривляется свеча и тает в собственном огне,
Так искривила спину скорбь испепеляющая мне.
Увы, не собран мой посев, жнеца созревший колос
ждет.

Но не собрать мне урожай, и пламя смерти все
пожрет.

Укоры поздние друзей – нет горшего на свете зла...

А эта весть не из Ганджи, а с родины моей пришла.

Жар лихорадки, что ни ночь, жестоко потрясал
Ганджу.

И, разрывая стоном грудь, от лихорадки я дрожу.

Услышав стон мой, муэдзин сказал: «Беды не
миновать!

И, кажется, грозит Гандже землетрясение опять».

Злопамятен горбатый свод, в его природе месть и
зло,

Но почему скорбей и слез на долю столько мне
пошло?

Вот пролил вновь живую кровь, не зная жалости,
кинжал,

За зло в награду у него на рукояти блещет лал.

Бьет лихорадка Хакани, он мучится в огне беды, —

Но ведь зато в его словах есть свойство и живой
воды.

* * *

Богатствами наделены и славой низкие в наш век,

И торжествует на земле во зле погрязший человек.

Да, этот мир – не навсегда, печали наша жизнь
полна.

А если в жизни радость есть – то низким выпала она.

Ты, мудрый, удались от них и от пути их отойди!

Здесь лишь презренные идут и низменные впереди.

Достойным людям плохо здесь, достойный бедам
обречен.

Жесток несправедливый мир. Всегда таков его закон.

От низких ты не жди добра, добра в их темном
сердце нет,

А сделать захотят добро – то причиняют только вред.

Взгляни: открытый взгляд их прям и честен, но душа
темна;

И то – их двойственная суть, подобна зеркалу она.

Сокровища в руках невежд, мудрец же голоден и бос,

И скатерть щедрая Исы во власти разъяренных ос.

Стыдись, имущий власть! Жена, как хочет, волю гнет
твою!

Великим низкий – господин, диктует волю им свою.

Будь весел, смейся, Хакани, веселье в сердце
сохрани!

Пусть торжествуют здесь они – ты в день Суда на

них взгляни!

* * *

Я страданье свое не отдам за бальзам,
За цветенье здоровья его не отдам.
Я обласкан, утешен страданьем моим –
Этот горький бальзам поднесу ли к устам?
На базаре ты радость свою продаешь –
Я за жемчуг страданье свое не продам.
Где душа, что усладою горя живет?
Лишь ее предпочту я счастливым сердцам.
Эту тайну, как пенье свирели своей,
Я на свете ничьим не доверю ушам.
И теперь я – свирель, потерявшая звук,
Только взглядов язык и остался глазам.
Я – свирель, но хочу оставаться немым,
И внимать моей песне и тайне – не вам.
Весь я в небытии, в нем – росток бытия,
И его я в обмен лишь за вечность отдам.
Не отдам я кинжал искупленья скорбен
За фиал, что когда-то пригубливал Джам.

Яд кинжала я выпью, как чашу услад,
Я его не отдам ни друзьям, ни врагам.
Я чалму променял на чадру, а ее
Не отдам за парчу, что надел бы Адам.
Тот убор, что Бахраму владыка послал,
За высокий твой шлем не отдам я, Рустам!
Это рубище скорби на теле моем
Предпочел я узорным стоцветным шелкам.
День один, мне возлюбленной данный моей,
Уступлю ли я миру, шести его дням?
Нет, я больше не стану султану служить,
Свой покой не отдам я обоим мирам!
Как собака из Кахфа душа Хакани,
И ее не получит презренный Балам.
Не отдам я бесчестным иголку Исы²,
Не продам я им пряжи льняной Мариам.

* * *

Я глинногубый, землеликий, тяжелый, с каменной

² ...иглоку Исы... – По мусульманским поверьям, Иса (Иисус) вознесся на небо вместе с иголкой, которая принадлежала его матери Мариам (Марии-богородице).

душой.

Дана мне глиняная чаша с кипящей огненной водой.

Мне золотой не нужно чаши, и ты мне не давай ее,

Налей мне в глиняную чашу, я поцелую край ее.

Из чаши глиняной тяжелой пить буду красное вино,

—

Я сам из глины, и не нужно мне в чаше золотой оно.

Глубокодонную, как море, подайте чашу для меня!

Мне раковиною Зардушта в душе не погасить огня.

Друзья мои, я вам откроюсь, мне опостылел этот
гнет,

Но всяк из вас меня недаром благожелательным
зовет.

Ни раковина не подходит, ни филигранный мне
бокал,

Я чаши глиняной возжаждал, свободы духа я
взалкал.

Я море выпил, и, как море, душа моя опьянена,

Мне эта маленькая чаша из перламутра не нужна.

Я выпил глиняную чашу, и от корней моих волос

Дыханье роз и базилика, земли дыханье разлилось.

Пусть все вокруг меня сегодня из перламутра будут

пить.

Акула я, меня из утлой ракушки их не напоить.

Эй, кравчий, ты джейран сребристый, ты бык

Джамшида золотой!

Ты кровью зайцев змей Заххака поить задумал и
водой³?

Нет, золотой мой бык, пусть пламя таится чистое в
вине,

Сам погляди – я крепок телом и сердце львиное во
мне.

Пусть будет ныне самарийцам глава золотая отдана,
В моей же чаше – влага Хызра⁴, Мусы пылает
купина.

Как глиняная чаша, были моей рукой возведены

Вот эти, где сию я гостем, четыре глиняных стены.

Есть у меня сосуд железный, что прежде мне служил
всегда,

Был верен мне сосуд железный в годину бедствий и
труда.

Но пить из глиняной широкой я чаши ныне захотел,

³ Ты кровью зайцев змей Заххака поить задумал и водой... – занялся невыполнимым делом, поскольку змей Заххака кормили мозгом людей, а вода и кровь зайца змеями не будут приняты.

⁴ Влага Хызра – живая вода, которой владел пророк Хызр.

Как перстни, глиняных кувшинов на пальцы ушки я
надел.

Кто пьет вино – не знает жажды. А я – я чистый
жемчуг пью.

* * *

И как же мне, друзья, сегодня на жажду сетовать
мою?

Но как такую тяжесть горя в душе крылатой мне
носить?

Я сколько чаш ни подымаю, все горе мне не
облегчить.

И молвил глиняной я чаше и темно-красному вину:
«О если бы вы мне вернули блаженство, мир и
тишину!»

Ответьте мне, вино и чаша, откуда вы! Не знаю я.
Чем больше пью я, тем сильнее кипит во мне печаль
моя!

«Увы, я прах Парвиза!» – чаша, заплавав, отвечала
мне.

«Увы, я тоже было кровью царя!» – вино сказало

мне.

Не удивительно, что душу вино не радует мою,
Коль из парвпзовой скудели я кровь живую мира
пью.

А я ведь Хакани, но как же таким невеждой мог я
стать,
Чтобы в крови царей умерших живую мощь себе
искать?

О заточении

Был Хакани с родными разлучен
И в дом с одною дверью заключен.
Но в этой яме жить ему нельзя,
И выйти из нее не может он.
Он, как паук, сидит в своем углу,
Как муравей за камнем затаен.
Замок снаружи и суровый страж.
И узник в безнадежность погружен.
Он проливает слезы, как Джейхун,
Он самаркандским вздохом опален.
Отсюда выход только в небеса.

Глухие стены с четырех сторон.
На воле связан был его язык,
А здесь он сердцем к богу устремлен.
Но все ж, покамест он томится здесь,
Он от толпы презренных удален.
Не думай о блаженстве, Хаканп!
Ты и надежд на радости лишен.

На смерть дочери

Моя дальновидная новорожденная дочь,
Увидев, что мир этот место плохое, – ушла.
Она поняла, что несчастья еще впереди,
От низких душою, от злобного роя ушла.
Она увидала, что в мире пороков и тьмы
Изноет, измучится сердце живое, – ушла.
Увидев, что беден мой дом и что я ей не рад,
Она в неизвестность, дитя дорогое, – ушла.
Увидев сестру свою старшую в черной чадре,
Подумав: «О, боже, мученье какое!...» – ушла.

Развалины Медаина

Мой дух, глазами размышлений на преходящий мир
взираю,
В глухих руинах Медина судьбу, как в зеркале,
читаю!
Хоть раз отправься через Диджлу в забытый город
Медина
И слез пролей вторую Диджлу среди таинственных
руин.
Смотри, как кровь, струится Диджла в размытых
знойных берегах.
Она рыдает, но не слезы, а пламя на ее волнах.
Смотри, как вздулись воды Диджлы. Кипящий вал
бежит, спеша,
Бушует, пенится, как будто в стенаньях мучится
душа.
Какая скорбь, какое пламя в ее бушующей волне!
Слышал ли прежде ты, что реки сгорают в медленном
огне?
Несет веками Диджла в море неиссякаемую мощь.
Отдай ей дань свою и слезы над ней свои пролей,
как дождь.

И если будут вздохи скорби и искренни и глубоки,
То полреки во льду застынет и лавой хлынет
полреки.

В цепях тяжелых бьется Диджла и вьется тяжело,
как цепь,

Едва громаду Медаина ей на рассвете явит степь.
Пусть помыслы твои в ту пору к стенам развалин
воззовут

И словно тайное руины душе твоей произнесут.
Зубчатые твердыни башен – с времен древнейших
до конца –

Тебе свою расскажут повесть и повесть каждого
зубца.

И молвят: «Ты из глины создан, и глиной бедной
стали мы,

А некогда богатством, мощью и красотой блистали
мы.

Боль вызывает головную у нас ночной совиный вой.

Избавь нас розовой водою очей от боли головной!

Рыдающие песни смолкли в саду увядшем бытия.

Сова преследует и гонит певца ночного – соловья.

Нас воздвигала справедливость, и нас разрушил

грозный гнет.

Смотри – вот так дворцы тиранов кружение времени
сотрет!»

Кем этих гордых стен и башен была разрушена
краса?

Их небо стерло или сила, вращающая небеса?

Смеетесь вы: «О чем горюешь? Оплакиваешь чей
порог?»

Но кто не плакал в Медаине, тот сердцем низок и
убог.

Куфу не выше Медаина мирская слава вознесет,

И эти гордые руины танур Куфы не превзойдет⁵

Куфы и Медаина стены равны пред гневом вечных
гроз,

Пылающий танур печали ты не зальешь и бурей слез.

О Медаин, как много ликов хранит скрижаль твоих
камней!

Идут по стенам вереницы безмолвных, каменных
царей.

Ведь это тот дворец, где годы царь Вавилона был

⁵ ...и эти гордые руины танур Куфы не превзойдет. – По преданию, во время всемирного потопа печь (танур) старухи в Куфе не была залита водой.

рабом,

И царь Турана униженным слугой склонял колени в нем.

На льва небесного когда-то отсюда, раскрывая зев,
Вот этот нападал крылатый, из камня высеченный лев.

Представь, что ворота все те же, дворцы и площади
все те ж,

Но пусты лестницы и входы... Где ж те владыки,
люди где ж?

Сойди с коня, земли священной коснись и внемли:
тишина...

Нуман был шахом, но однажды мат получил он от слона.

И сам Нуман царей вселенной давил пятой слонов своих.

И, как слоны его, доныне века теснят и гонят их.

И все цари, что посылали своих слонов покорных в бой,

Все безвозвратно проиграли, играя в шахматы с судьбой.

Из чаши черепа Ормузда кровь Нуширвана допьяна

Не здесь ли вот, на смертном пире, пила земля
взамен вина?

На древних золотых коронах речеья мудрые
вились,

Прочти сегодня мысли эти и в смысл их вещей
углубись.

Хосров Парвиз, его величье, пиры и кубок золотой
Давно исчезли и забыты, давно засыпаны землей.

Свой стол плодами золотыми Парвиз когда-то
украшал –

И пиршественный стол, как солнце, златыми
гроздьями блистал.

О золоте не говори мне, да и Парвиза нет давно.

Скажи, как мудрым подобает: «Пришло, ушло,
истреблено!»

Где все они? Ушли бесследно, удел всеобщий
разделя.

Владык и шахов поглотила их породившая земля.

Земля беременная поздно свой лучший порождает
плод.

Таков закон: рождает в муках жена, что рано
понесет.

Лоза, обильная кистями, в себя впитала кровь

Ширин.

И не из праха ли Парвиза вот этот глиняный кувшин?

Земля равно владык вселенной и нищих тащит на
обед.

Вседневно за столом ужасным пирует жадный
людоед.

И кровь детей ее, как пурпур, цветет на сморщенных
щеках.

О, эта ведьма с черной грудью, в косматых белых
сединах!

Ты, Хакани, навек запомни, что на развалинах
прочел,

Чтобы хакан к твоей лачуге за поучением пришел.

Дервиш у шахского порога сегодня жалкой доли
ждет.

А в некий день – султан к дервишу за подаянием
придет.

Дар благодатный светлой Меккой всем городам
вселенной дан.

Ты, Хакани, от Медаина дар унеси с собой в Ширван.

Несет из глины Джамра четки паломнический

караван.

Ты четки унесешь оттуда, где в глину превращен
Сальман⁶.

Омойся в этом чистом морс, склонись воды его
испить.

Грешно уйти от побережья и жажду здесь не утолить.

Кто побывал в далеких странах – дары друзьям
песет домой.

Так пусть друзьям твоим подарком дастан звенящий
будет твой.

И пусть, как перлы четок, звуком и блеском
истинной красы

Порадует их дар безумца и мудреца с душой Исы.

* * *

Сердце мое как челнок, а любовь – океан.

Слушай, любимая! Эти слова – не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спален,

Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжался! Ты видишь – под бурею гибнет мой мир,

⁶ ...где в глину превращен Сальман... – где похоронен Сальман

Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!
Волн бушевание лишь по колена тебе,
Я же кипящим смерчем с головой обуян.
Кто же соперники у Хакани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

* * *

С той поры, как я в арканы длинных кос ее попал,
Тая, радуясь и плача, как свеча, я запылал.
Сколько раз в коротких письмах тень надежды я
ловил,
Сколько я ночей, в мученьях, глаз бессонных не
смыкал.
Для того чтобы хоть мельком видеть каждый день ее,
Я бы дверь ее веранды, как невольник, охранял.
Взгляд ее миндалевидных черных глаз меня пленил,
И расколотой фисташкой я с тех пор от горя стал.
От стыда гляжу я в землю – мне ей нечего дарить.
Душу отдал бы. Но, видно, ей подарок этот мал.
Не завидуйте былому! О друзья, лишь тем я жив,
Что огонь надежды слабой в этом сердце не пропал.

В книге дум ее прочтешь ли день грядущий, Хакани?

Все приму я, что бы этот мне оракул ни сказал.

* * *

Почему, о душа, ты рассталась со мной?

Пред тобой я какой провинился виной?

Я искал тебя всюду, рыдал и взывал.

Истомленный, с согбенной от горя спиной.

Я прошел города, но нигде ни следа —

Не нашел я души на дороге земной.

Или счастье со мною наскучило ей, —

Улетела — и радости ищет иной?

Или за море птицей умчалась она,

Иль с водой ручейков убежала весной?

И опять в городах вопрошал я и звал,

Обошел я, тоскуя, страну за страной,

Не найду ли бездомную душу мою?..

И ответил мне отрок в деревне одной:

«Хакани, твою душу я видел в сетях —

В плен ушла она, следом за юной луной».

* * *

Твои стрелы пернатые – в сердце моем,
Мне от них никаким не закрыться щитом.
Я вступил в обиталище чистой любви,
Я невольником стал, я расстался с умом.
И парю, словно птица, хотя и без крыл,
В этом воздухе пламенном, в мире твоём!
Я иду, и пути мне обратного нет.
И любовь моя схожа со смертным мостом.
Я томлюсь по тебе. Но не ведаешь ты,
Что печаль мою душу сжигает огнем.
О, прими Хакани! Он твой пленник и раб,
Ты одна у него в этом мире земном!

* * *

Сердце, союз с любовью ты свой obnovи,
Данный любви обет свой былой obnovи.
Если о вере и верности ты говоришь,
Истинной верности пламень живой obnovи.
Перед кумиром влюбленный свершает намаз,

Ты поклонения идолу строй обнови.
Что на мели ты крылатый свой держишь корабль?
Бурям предайся и дружбу с волной обнови.
Скорбью ты горести прежде свои утолял.
Скорби не бойся и споры с судьбой обнови.
Дань свою хочешь с обоих миров ты взимать?
Право у сердца для власти такой обнови.
Стрелам очей своей милой навстречу иди,
Рану сердечную жгучей стрелой обнови.
В зелень одета красавица, словно весна,
Душу ты зеленью той молодой обнови.
Мир этот гнусен, в нем горе, как мята, растет.
Скорбь свою мятой, душистой травой обнови.
В мире забыли Маджнуна, но ты, Хакани,
Душу и образ Маджнуна собой обнови.

* * *

Милая, разве могу я тебя не любить,
Ты моя радость одна, без тебя мне не быть...
Пламя такое пылает в груди у меня,
Что и морскою волною его не залить.

Тысячу красок смешать я могу, но, увы,
Что я смогу без любви твоей изобразить?
Жил я всю жизнь по одним лишь законам любви,
Я от законов ее не могу отступить.
Как я о ранах сердечных поведать могу?
Я по бумаге каламом не в силах водить!
А ведь сердечную боль и печаль Хакани
В тысяче писем и в сотне касыд не излить.

* * *

Весть о тебе прошла по двум мирам,
Неся огонь мучительный сердцам.
Еще до твоего явления в мире
Слух о тебе прошел по всем краям.
Такое пламя душу охватило,
Что искры полетели к небесам.
Спокойна будь, – недаром злым упреком
Молва идет за мною по пятам.
Но неужель после размолвки этой
Запретно стало примиренье нам?
Обрадовался враг мой и воскликнул:

«Какой фазан попал в тенета сам!»
Пусть притчу о змее и садоводе⁷
Сей случай с Хакани напомним вам.

* * *

Доколь мне угнетения сносить
И вздох от тени собственной таить?
Да, я – звенящий най! И я могу
Стенать, но не могу я говорить.
Чем жажду справедливости моей
В несправедливом мире утолить?
Доколе бешеный двухцветный пес⁸ [C:\Documents and
Settings\Yezdigerd\Local
Settings\Temp\Rar\\$EX00.547\hayiyam_rodnik_jemchujin_persidsko_tadjik
skaya_k.html - doc2fb_note_56#doc2fb_note_56](C:\Documents and Settings\Yezdigerd\Local Settings\Temp\Rar$EX00.547\hayiyam_rodnik_jemchujin_persidsko_tadjik_skaya_k.html - doc2fb_note_56#doc2fb_note_56)
Меня стараться будет укусить?
До коих пор я, как ручной кувшин,
В ладони низких воду будут лить?
До коих пор, с веревкой на спине,

⁷ ...притчу о змее и садоводе... – Имеется в виду распространенная на Ближнем и Среднем Востоке притча о садоводе, который пытался поймать змею, но был укушен ею.

⁸ ...бешеный двухцветный пес... – т.е. этот мир.

Весами в лавке буду я служить?
Коль от веревки я освобожусь,
Приду я в равновесье, может быть.

* * *

Дворцы царей подобны морю; нет в этом море
перламутра,
Но стаями акул теснится там лизоблюдов жадный
сброд.
И муж разумный, муж познания, корабль духовного
богатства,
Ища удачи, в это море – неверное – не поведет.
Жемчужины живого чувства в нем не найдешь
ценою жизни.
Лишь сплетен и превратных мнений кружится там
водоворот.
А сердцу, любящему правду, пусть
покровительствует разум.
Он верный путь добру проложит и шею жадности
свернет.
Довольствуйся уединеньем, покоем и лепешкой

хлеба

И не ищи у царских тронов чинов, отличий и щедрот.

* * *

О Хакани, удались от служения шахам,
Чтоб в стороне от грызпи их позорной остаться.
Полно как чаша блистать на пирах у султанов;
Будет душа твоя кровью потом обливаться.
Шахи – не солнце. Зачем, подходя к ним луною,
То вырастать, то идти на ущерб, истребляться,
Иль за полсуток, подобно созвездию Девы,
То унижаться, а примут – опять возвышаться?

* * *

Сказали как-то, что, мол, Хакани
Быть недостойн при дворе султана.
Сказали правду – водоносом див
Неподходящим был для Сулеймана.
Султан ничтожен – недостойн он

Души моей широкой океана.

* * *

Очень кислы плоды на ветвях государства

И не стоят того, чтобы их собирать.

Угощенья на скатерти мира невкусны

И не стоят того, чтобы мух отгонять.

Все дары и деяния шахов ничтожны

И не стоят того, чтобы их восхвалять.

* * *

Я в мире когда-то богатства хотел,

От низких людей я не принял его.

Я многого жаждал, но мало дала

Судьба, и не взял я у ней ничего.

* * *

Хакани, ты унижен дарами владельцев сих,

Даже хлеба куска ты у них не бери никогда!

И бальзама от раны душевной у них не проси,
Если худшего ране своей ты не хочешь вреда.
Если чаша разбилась, тогда лишь оценят ее, —
«Что утратили мы!» — воклицаний пойдет череда.
Посмотри на верблюда, что с согнутой шеей идет,-
Груз верблюда — цена его крови, и мук, и труда.
Если б шея его превратилась в меток золотой,
Что за польза верблюду? Была б ему пуще беда.

* * *

Нет у меня самых нужных для жизни вещей,
И не обрел я того, чего сердцем желал.
Думал я прежде: «Все будет! Надейся, терпи!..»
Но ничего не дождался я, сколько ни ждал
Помощи я у небесных просил облаков —
Гром мне ударил в ответ, и перун засверкал.
Коль потрясти мой подол, то оттуда моя
Печень посыплется, денег же я не собрал.
Кажется, гнать по пятам меня злая судьба
Не перестанет, пока я без сил не упал.
Кровью я плакал. От слез моих красен бурнус.

Но от друзей я участия в беде не видал.
О Хакани! Неужели твой огненный стоп
Дряхлых устоев судьбы еще не расшатал!

* * *

О Хакани, ты сокровищ земных не ищи!
Вся эта жизнь, может быть, лишь неделя одна.
Золото – светлый твой день, серебро твое – ночь,
В них – все богатство и вся твоя скрыта казна.
И хоть колосья судьба высоко подняла,
Мало в колосьях ее налитого зерна.
Если ты беден и роскошью не окружен,
Щедрость ума твоего никому не нужна.
Эта земля – беспощадный и грозный палач,
Все, что рождает, сама истребляет она.
Плелся козленок за мальчиком, несшим изюм,
Знал ли козленок, что участь его решена?
Был он, как помните, мальчиком этим убит.
Из-за изюма была ему смерть суждена.

* * *

В сущности мира сего справедливости нет.
Истинной правды закон – не для смертного оп.
Горя не знает на этой земле человек,
Если он умер, – и тот, кто еще не рожден.
Беды как волны морские. Не ведает их
Тот, кто навеки от мира сего уведен.
Тот, кто из чаши столетия этого пил,
Знал ли, что влагой отравленной он упоен?
Может ли мир наш от бедствий тебя уберечь,
Если он вечными бурями сам возмущен!
Небо – грабитель, что роет под нами подкоп,
Не потому ли согнулся в дугу небосклон?
В этой юдоли покоя себе не ищи,
Сладостный мир на земле никому не суждеп.
Гану, тебе нанесенную, молча терпи,
Раненный миром от века бальзама лишен.
На одеяние синего неба⁹ взгляни –
Смерти обитель сей мир и в печаль облачен.
О Хакани, обольщеньям земли не внимли!

⁹ «...одеяние синего неба...» – Синий и лиловый цвета у мусульман – признак траура. Следовательно, небо всегда носит траур, и потому весь мир всегда печален.

Все здесь неверно, и здесь беззаконье – закон!

Рубайят

1

Моя любовь мне муки причиняет.
Она моим молениям не внимает.
Источник всех моих мучений в том,
Что о любви моей она не знает.

2

Эта низость и злость клеветы и вражды
Тяжелее гонений и горше беды.
Тяжелее их – вечная с милой разлука,
А большее всего – унижение нужды.

3

В чем держится душа моя живая?
Меня судьба терзает – ведьма злая.
И пища, что она готовит мне,

То несоленая, то соль сплошная.

4

Кравчий! Чашу мне не наливай до полна!

Не вернется увядшая жизни весна.

Мало, много ли ты мне нальешь – безразлично, –

Камень горя не сдвинешь потоком вина!

5

Дым горящих стенаний моих – небосвода одежды,

От бессонных мучений в ночах не смыкаю я вежды.

В туфлях жизни колючки бесстыдно мне ноги язвят,

И разбито о камень стекло моей хрупкой надежды.

6

Пусть беспомощным и одиноким, как я, не

очутишься ты в пути!

Пусть ярма таких унижений и мук не придется тебе
нести!

Я разлукой с возлюбленной изнурен, я на встречу
надежды лишен.

Пусть никто не болеет сердцем, как я, на земле, где
врачане найти!

7

Если хочешь, чтоб имя стояло твое высоко,
Скромнен будь, людям сердце свое открывай широко,
С бедняками дружи, беседуй с простыми людьми,
И пойдет твоя добрая слава среди них далеко.

8

Я Маджнун, мой печальный удел – тосковать.
Кто бальзам от безумия может мне дать?
Ухожу я в пустыню – к джейранам и львам,
Не удастся вам в цепи меня заковать!

9

О ты, превратившая сердце в обитель печали!

Цветет твоя лилия в сердце, где розы пылали.
С тех пор как горящее горе со мной породнилось,
Со старою скорбью врагами мы кровными стали.

10

Кровью душа залита, я из легких огонь извергаю.
Огненно-красным вином я чашу свою наполняю.
Кровь огневая – вино. Глотаю я кровь и огонь,
Кровь проливаю на кровь, огонь на огонь рассыпаю.

11

Если хочешь, чтоб зеркалом сердце твое заблистало,
Корни гнусных пороков из сердца исторгни сначала:
Жадность, мстительность, подлость, жестокость,
надменность и зависть,
Пресмыкательство низкое, злобы змеиное жало.

12

Хакани! Если честь и добро тебе выше всего,

Никого не ударишь ты, не оскорбишь никого.
Ведь достоинством всякий живой человек обладает,
И пощечина хуже, чем сабли удар, для него.

13

Причиняешь душе моей ты лишь страданья,
Мне на сердце легла вся печаль мирозданья.
У дверей твоих я схороню свою душу,
Пусть к тебе долетит ее благоуханье!

14

Вечно облик твой в сердце моем и во взоре,
Твое имя звучит мне немолчно, как море.
И прислушался всем существом я, едва
Твое имя услышал в чужом разговоре.

15

В тот миг, как тело мотылька с огнем соединилось,
И сердце темное свечи огнем воспламенилось.

На трепетном огне свечи сгорает мотылек,
И вместе с ним она гореть навеки согласилась.

16

Печальную душу мою в свои руки прими,
Добычу, тобою подстреленную, подыми!
Я – грешный твой раб Хакани. Я навек тебе предан,
Оставь ему жизнь или вовсе ее отними!

17

Ушла. Унесла мою душу. Проходит за часом час.
Прислушиваются уши, и смотрят зеницы глаз.
Глаза у ушей вопрошают: «Вы слышали что-
нибудь?»
А уши у глаз вопрошают: «Не видели ль еще раз?»

18

Не будь себялюбцем презренным, а пусть тебя любят
другие.

Всем делай добро, и не будут ущербом убытки такие.
Зачем тебе пышность одежды? Будь щедрым, нагим,
словно пальма,
Что к небу подьмлет главу, где сияют лучи огневые!

19

Если хочешь меня умертвить, то скажи мне –
Смерть я радостно встречу, поверь! Но внемли мне!
Поцелуем сперва опьяни мою душу,
После в сердце, как стрелы, ресницы вонзи мне!

20

Я на небе поэзии солнце сегодняшних дней.
Никому из певцов высоты не достигнуть моей.
Это солнце зовется султаном семи поясов,
Но оно – лишь слуга моих песен, вселенной моей.

21

С душою преданной в тысячелетье раз

Родится человек – таков преданий глас.

Один, наверно, был, когда мы не родились,

Другой появится, когда не будет нас.

22

Ты всегда Хакани упрекаешь, всегда озлоблен!

На меня нападаешь, язвишь меня, как скорпион!

Мое сердце на двести кусков разорвалось от горя,

Но тобой еще новый огонь в этом сердце зажжен.

23

Цветники озаряются блеском зажженных свечей,

Фонарями тюльпанов пылают просторы степей,

И на склоне зари от улыбки моей солнцеликой

У меня засияли лампы потухших очей.

24

Ты каждый день неумоимо причуды новые являешь;

Одежду моего терпенья ты на кусочкирываешь!

Нет верности в тебе ни капли. Бездушная, оставь
меня!

Я испытал тебя. Я знаю тебя, как ты себя не знаешь.

25

Жизнь моя в праздности, без утешенья прошла.

Рушатся все мои замыслы, гибнут дела.

О, если б ты меня в деле моем поддержала!

О, если б сердцу ты новую жизнь принесла!

26

Сегодня ты в душе моей гостишь,

В чертоге сердца царственно сидишь.

Я за тебя умру. Ты причинила

Мне горе, и его ты исцелишь.

27

О, вспомни меня средь блеска пиров и вина —

И будет опять душа моя света полна!

А если ты мне справедливость явишь свою,
От горя навек свободна будет она.

28

О небо! Настигни возлюбленную в пути,
Утешь, убеди ее, вновь ее мне вороти!
О горе души моей правду ей всю Расскажи.
Беги, торопись, чтоб ответ мне скорей принести!

29

От ожидания вестей от тебя я чуткий свой слух
потерял.
От ожидания свиданья с тобой свет моих глаз
пропал.
Нрава не понял я твоего, душой истомился я.
Гибнет надежда моя, но тебя ждать я не перестал.

30

Все птицы улетели. Жалкий вид

У клетки, что над родником висит!
Был Хумаюн в той клетке – Хакани,
Он больше в клетку ту не прилетит.

31

От этой гурии прекрасной без ума –
Не полюблю другой, хоть здесь красавиц тьма.
Клевать по зернышку, как воробей, не буду.
Когда она сама зовет меня Хума.

32

Я мучусь в разлуке с тобой, хоть причуды сугубы
твои,
Но снова и смех, и улыбки, и шутки мне любы твои.
И руки и губы твои мне подносят вино золотое,
Как перлами полный ларец уста мне и зубы твои.

33

Ты низкими друзьями взят в полон,

Но разве дружба с низкими – закон?

Они в глаза попали, как соринка,

Промой глаза, мигай, гони их вон!

34

Как я красавицу грузинку полюбил,

Чтоб с ней беседовать, грузинский изучид.

Я столько раз сказал ей: «Мои, мои, мои!¹⁰» –

Что каждый волос мой со мной заговорил.

35

Ты христианская красавица, душа в твоём сияет
взоре.

О сердце чистоты неслыханной, со всякой низостью
ты в ссоре.

По как же ты меня измучила! Смотри, я исхудал, как
волос,

¹⁰ Мои, мои, мои! – «Мои» на одном из диалектов Грузии означает «приди». Вместе с тем персидское слово «муи» (волосок) в арабской графике пишется точно так же. Поэтому слова «мои» и «муи» в строке 4-й – омографы.

Взываю «мои» понапрасну и таю и горю от горя.

36

Что перед тобою куропатка с своею песенкой
простой?

И соловей, влюбленный в розу, не может быть
сравнен с тобой.

И жаворонка ты игривей, и белых горлиц
говорливей,

И птицу гордую – павлина – ты превосходишь
красотой.

37

Ветерком предвесенним повеяли светлые дали,

Но от нашей весны еще вести и не долетали.

Роза утром раскрылась, свой тесный покров сорвала,

Лишь моя розоликая прячет лицо в покрывале.

38

В эту ночь, когда сердце мое на пиру прекрасном с
тобой,

Я душой – в эдеме твоём, осененный вечной тубой.

Вся душа моя здесь, с тобой, о, позволь мне, моя
душа,

Чтоб и тело мое слилось в эту ночь с моею душой.

39

От любви к тебе и огонь сильнее горит.

Жгучий пламень твой пламя новым жаром дарит.

Тот, кто видел родинки на лице твоём,

Молвит: «Это черный индус среди огня сидит».

40

Возлюбленная причиняет мне новые мученья.

Душа моя огнем сгорает, и нет мне утешенья.

Она меня повергла в горе. И мой горячий вздох

Палящим ветром наполняет простор миротворенья.

41

Корабль твой в море ушел под ветром на всех
парусах.

Теперь беспредельная грусть, как море, в моих
глазах.

Как странно расстались мы, как чудно мне это все:
Вот – ветер в моих руках, а ты – у ветра в руках.

42

В саду моей жизни печаль вырастает одна.

Осыпались розы, в мой сад не вернется весна.

Под ветром холодным беды – на току моей жизни –

Ни битой соломы, ни колоса нет, ни зерна.

43

У безнадежно влюбленных лица желты,

Вежды в слезах, как поникшие долу цветы.

Но как судьбой одарен, как безмерно богат,

О лунноликая, тот, в чьих объятиях ты.

44

У Хакани глубоко в душе горе затаено,
Он исхудал, ланиты в слезах, сердце его сожжено.
Жизнью пожертвовать он готов за свиданье одно с
тобой.
Тело, глаза и душа – будет все в жертву принесено.

45

Пусть полон вздох мой мукой и огнем,
Не отзовется в сердце он чужом.
Бессмысленно, как солнце и луна,
Ночь я бессонно смешиваю с днем.

46

Новым горем от старой беды мое сердце полно,
Это горе – вулкан, и огонь извергает оно.
Я пристанища сердцу ищу, но найти не могу.

Я покоя хочу – мне покой обрести не дано.

47

Какая мощь в словах твоих блистает,
Но низкий их в игрушку превращает.
В наш век талант – певцу смертельный яд,
Не возвышает он, а унижает.

48

О, как жаль! Мы ушли от тебя и печаль унесли!..
Мы томление сердца с собой не вчера ль унесли?
Мы покинули радость, ушли от твоих мы дверей,
Сожаленья на память и скорбь свою вдаль унесли.

49

О Хакани! На дар свой опирайся,
Пред пышностью презренных не склоняйся!
Не будь ферзем, чтоб криво не ходить,

Будь лучше пешкой – прямо устремляйся!

50

Дивная сила дана моим звучным словам,
Воду в вино они, яд превращают в бальзам,
Розовым соком моих цельбоносных речений
Я от давнишних скорбей исцеление дам.

51

Я не дикий, в тени прозябающий плод,
Солнце я, что весь мир озаряет с высот.
Мой хулитель – не женщина и не мужчина, –
В женской шали, в стыде от меня он уйдет.

52

Я горем зажегся твоим и в огне расточился,
В обители горя, во тьме я свечой засветился.
Не знал я доныне ни боли душевной, ни слез,

Но у твоего равнодушия им научился.

53

Моя душа в твоих руках. Что с телом делать мне?

Жемчужина в твоих руках, а море в стороне.

Терпению не поручай дела моей любви!

Терпенье – слово, что мертво и пусто в глубине.

54

Твоя краса и мудреца и простака сразит.

Твой локон амбровый толпу в безумцев превратит.

От черного огня твоих пылающих очей

Покинул келью, опьянев, Бистамский Баязид.

55

Нет, молодость, как небо, не горда –

В движенье, как огонь, она всегда.

С ней и плохое кажется хорошим,

А без нее и доброе – беда.

56

О, сколько в душе у меня и обид и скорбей,
О, сколько мне послано бедствий судьбою моей.
Ты спрашиваешь, что со мной, о чем я вздыхаю?
Что есть у меня, кроме горестных дней и ночей?!

57

Что лучезарная луна перед лицом твоим?
В сиянье красоты твоей и ночь светлее дня.
Вот солнце говорит: «Горю от твоего огня!
Морей не хватит на земле, чтобы залить меня!»

58

Друг, что я от мира сего получил? Ничего!
Взгляни, что от прошлых я дней сохранил? Ничего!
Как чаша Джамшида весь мир я вмещал. Что ж
осталось,

Когда небосвод эту чашу разбил? Ничего.

59

Возлюбленная ушла и разлуке меня поручила.

С приходом разлуки ознобом и жаром меня
охватило.

За ней лихорадка пришла, обожгла, обметала мне
губы –

Ревнивица, – чтобы не мог целовать я уста моей
милой.

60

О Хакани! Основа жизни – горе.

Жизнь и жестокость на одной опоре.

Ведь силой душу в тело заключили,

И силой удалят из тела вскоре.

61

Не вмещается горе мое в этой злачной долине

земной.

Не вмещаются вздохи мои в моей клетке стесненной
грудной.

«Что за горе?» – спросил ты меня. Друг мой, горе
мое таково,
Что горенья и жара его не вместит небосвод голубой.

62

Ты роза, а я безумно влюбленный в тебя соловей,
Грущу без тебя, и крылья увяли у песни моей.
Умолк мой язык, немотствует сумрачный сад без
тебя.
Увижусь с тобой – и песня моя разнесется звучней.

63

О локоны милой, вы тень этой ночи сгустите!
О звезды свиданья, помедлите, не уходите!
Закройте густою завесой восток, облака!
Вы, утра лучи, задержитесь, мне милость явите!

64

Ты лицом как луна, кипарису подобен твой стан,
И молва о тебе донеслась до неведомых стран.
Пожелтевшее солнце свой свет у тебя занимает.
О небесная гурия! Рай твой – печальный Ширван!

65

О шахиня красавиц, я раб твой, я изнемогаю.
Ты беспечно смеешься, не ведая, как я страдаю.
Я как пыль пред тобою; ты – ветер широких степей.
Ты дохнешь – и, как облако пыли, я вдаль улетаю.

66

Хакани! С этой улицы зла поскорей уходи!
Горе темное брось и – веселый – смелей уходи!
Здесь душою тебя, словно цепью, судьба оковала.
Брось ей цепь! И на волю, как ветер степей, уходи!

67

И я в дни юности в огонь любви бросался...

И вот достиг того, чего я домогался:

Огонь потух, а я сгорел, как мотылек.

И пепел лишь от всех моих надежд остался.

68

Где тот яд, что страданья души исцелит?

Где кинжал, что мученья мои прекратит?

Где удар, что сразит меня волею неба?

Смерть приму я, как верным принять надлежит!

69

Любимая на корабле, а я на суше, я в беде.

От горя качка у меня, и нет мне пристани нигде.

О ветер, радостную весть примчи мне от моей
любви,

Чтоб к цели доброй, как корабль, пошел по кормчей
я звезде.

70

Хакани! Ты покоя себе не найдешь никогда!
Бесполезно бороться с судьбою, смирись навсегда.
Этот мир не достался навек ни Даре, ни Джамшиду, –
Если он и тебе не достался – какая беда?

71

В огне печали Хакани истлел,
Терпенью сердца наступил предел.
Так мотылек, в саду свечу увидев,
На пламя налетел и обгорел.

72

Вновь цветами сады украшает весна,
О, пришли ко мне с утренним ветром вина!
Я из уст твоих выпью вино золотое,
Пусть душа моя будет, как чаша, полна!

73

Нас сглазили. Судьба со счастьем в споре.
О милая, вражда вокруг, как море!
Умолк наш сладкий разговор любви,
Но знаем мы о тайном нашем горе.

74

Ты горишь, как Парвин, в небесах красоты.
Кроме родинок, нет на тебе черноты.
Но души моей цвет нераскрытым остался,
На меня даже мельком не глянула ты.